ISSN 2311-875X (Online)
ISSN 2073-2872 (Print)

Экономическая политика государства

КАЧЕСТВО ЗНАНИЙ И КОМПЕТЕНЦИЙ В ЗЕРКАЛЕ СТРУКТУРНЫХ РЕФОРМ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Борис Варисович САЛИХОВ[a,•], Ирина Сергеевна САЛИХОВА[b]

[a] доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и международного бизнеса,
Московский государственный лингвистический университет,
профессор кафедры менеджмента и маркетинга, Московский университет им. С.Ю. Витте, Москва, Российская Федерация
mgsusalikhov@yandex.ru

[b] доктор экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и налогообложения,
Московский университет им. С.Ю. Витте, Москва, Российская Федерация
irinasalikhova@yandex.ru

[•] Ответственный автор

История статьи:
Принята 17.05.2016
Принята в доработанном виде 21.06.2016
Одобрена 30.07.2016

УДК 330.3
JEL: J24, O15, O33

Аннотация

Тема. Предметом данной статьи является взаимосвязь компетенций и структуры современной российской экономики, служащих системным экзогенным фактором спроса на человеческий капитал соответствующего качества.

Цели и задачи. Целевая функция исследования заключается в разработке основ научно-практической парадигмы формирования новой структуры российской экономики, нацеливающей систему образования на расширенное воспроизводство, прежде всего созидательных когнитивных компетенций. В связи с этим важнейшими аналитическими задачами статьи являются: характеристика негативного влияния архаичной структуры экономики на качество человеческого капитала молодежи; разработка общей модели интеллектуальной экономики как системного фактора расширенного воспроизводства созидательных смыслов и творческих компетенций; обоснование необходимости качественного обновления структуры собственности как онтологии прогрессивной структурной реформы российской экономики.

Методология. Методологическим основанием исследования являются ключевые положения системной парадигмы и поведенческой экономики, актуализирующие применение междисциплинарного подхода к анализу когнитивного пространства и структурных факторов его изменения.

Результаты. Проведено обоснование критической роли компетенций того, как самостоятельно воспроизводить новые знания, и компетенции в условиях «бизнеса со скоростью мысли». Предложена трактовка и структура интеллектуальной экономики как «системы проекта», призванной обеспечить новое созидательное качество спроса на творчески-трудовые компетенции личности.

Выводы и значимость. Доказано, что онтологией высокой эффективности структурной реформы российской экономики и, следовательно, развития созидательных когнитивных компетенций является качественное обновление структуры собственности с конституированием ее объективных форм. Положения статьи могут быть использованы при развитии научно-практических основ становления в нашей стране интеллектуальной экономики с присущей ей системой когнитивных компетенций.

Ключевые слова: механизм торможения, когнитивные компетенции, архаичная структура экономики, интеллектуальная экономика, структура и показатели интеллектуальной экономики

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2016

Введение

Современный этап развития российской экономики фокусирует на себе растущее внимание исследователей, предпринимающих попытки целостного анализа сложившейся социально-экономической ситуации. При этом справедливо учитываются не только «отговорки» на внешние причины, включающие пресловутые санкции и цены на энергоносители, но и внутренние факторы механизма торможения [1], проявляющегося в сокращении объемов выпуска продукции, деиндустриализации хозяйства, дисфункций институтов развития и, как следствие, определенном нарастании социального пессимизма. За четверть века господства дисциплинарной матрицы неоклассики сформировалась архаичная отраслевая, региональная и экспортно-импортная структура экономики, основанная на вымывании природного капитала и поиске «плохой» ренты. Но главное, сформировалась иррациональная структура институционального капитала нации с господством системы бюрократической власти-собственности, что привело к росту институционального недоверия к власти при одновременном усилении смысловой деградации общества [2, 3], проявляющейся в губительном

возрастании монетарных ценностных приоритетов и развитии рентоориентированного экономического менталитета [4, 5].

Архаичная ресурсно-сырьевая структура российской экономики, отсутствие институциональных условий для развития малого и среднего предпринимательства, превращение деловой коррупции в «основную отрасль российской экономики» [6], отсутствие четкой стратегии системных прогрессивных преобразований объективно не нацеливают российскую молодежь на активное самообразование, развитие прогрессивных знаний и творчески-трудовых компетенций. В связи с этим все отчетливей вырисовывается потребность в *реальной структурной реформе* отечественной экономики, в реформе, которая не станет очередным воплощением реформаторского аутизма, где *видимость* преобразований будет упрямо выдаваться за *явление* реформ. Эта реальная структурная реформа призвана не столько «перезагрузить» прежние ценности, сколько создать новые смыслы, обеспечивающие формирование инновационного мышления [7–10].

Очевидно, что сегодняшний «мейнстрим» – нынешняя модель социально-экономического развития – более не может претендовать на роль ключевой научной парадигмы. Альтернативой архаичной структуре национального хозяйства, основанной преимущественно на невоспроизводимых экономических ресурсах с соответствующей институциональной «оснасткой», является *интеллектуальная экономика*, конституирующим признаком которой является ориентир на использование воспроизводимых, или «ноосферных» факторов производства, что закономерно предопределяет спрос прежде всего на релевантные, именно *интеллектуальные когнитивные знания и компетенции* участников хозяйственной деятельности[1] [11, 12]. Под когнитивными знаниями и компетенциями (далее – когнитивными компетенциями) понимается способность самостоятельно воспроизводить новые компетенции, востребованные интеллектуальной экономикой «здесь и сейчас». Качество же интеллектуальных когнитивных компетенций субъекта конституируется его уникальной способностью воспроизводить не всякие, а лишь созидательные, прогрессивные компетенции, на деле обеспечивающие гуманистический вектор развития личности и общества. Интеллектуальные когнитивные компетенции – это *созидательные компетенции о воспроизводстве созидательных компетенций* [13, 14].

В данной статье мы попытаемся в первую очередь выявить некоторые общие аспекты взаимосвязи структуры экономики и творчески-трудовых компетенций с последующей характеристикой качества этой взаимосвязи в современной российской экономике. Далее будет предложена «система проекта» структуры интеллектуальной экономики как интегрального экзогенного фактора растущего спроса на уникальные способности и умения собственников человеческого капитала. Ключевой частью исследования является доказательство невозможности обеспечения успеха структурной реформы без качественного изменения «тонкой» структуры отечественной экономики, а именно структуры собственности. Для этого необходимо привести ее в соответствие с требованиями закона формирования собственности при конституировании ее базовых форм: общественной, частной и личной. В работе будет показано, что без демонтажа сложившейся государственно-бюрократической системы власти-собственности невозможно создать институциональные условия для превращения «плохой» ренты (природной, административной) в ренту «хорошую», интеллектуальную и, следовательно, трансформировать экономику структурной архаики в экономику интеллектуальную, гуманистическую [15, 16].

Современные формы взаимосвязи творчески-трудовых компетенций и структуры экономики

Как известно, *знания* есть результат познавательной деятельности субъекта, выраженный в знаково-символической и иной форме, а также отражающий причинно-следственные связи явлений действительности. *Компетенции* резонно трактовать как способности субъекта к выполнению конкретных функций, связанных, например, с решением профессиональных задач, осуществлением требуемых типов поведения, социальных ролей и т.д. Компетенции можно характеризовать как «спрессованные» знания, причем их качество есть модифицированный результат преломления знаний через призму уникальных психологических особенностей субъекта. Именно поэтому компетенции есть сложное, органическое единство явного и неявного знания, что возводит их в ранг уникальных свойств субъекта ровно в той мере, в какой уникальны и неповторимы его психологические особенности [12, 17, 18].

Качественная целостность знаний и компетенций (далее – компетенций), например, выпускника вуза представляет собой перечень конкретных его

[1] *Салихов Б.В., Салихова И.С.* Самообучающиеся организации в экономике: сущность, признаки и параметры качества // Финансы и кредит. 2015. № 8. С. 48–60.

способностей и свойств, функциональных потенциалов и навыков, креативных интенций и мотивов, смысловых конструктов и ценностных ориентиров, в совокупности позволяющих определить данного субъекта как «компетентного» для решения конкретных научных, образовательных, производственных и иных задач. Качество компетенций субъекта детерминируется содержанием как минимум двух интегральных групп факторов.

Во-первых, это эндогенные ментальные установки и ценностно-смысловые модели конкретной личности, нацеленной на поиск собственной *экологической ниши,* то есть осуществляющей поиск смысла своего творчески-трудового предназначения. В этом индивидуальном смыслопроизводстве как в «фокусе» концентрируются все психические процессы и свойства человека, а также ранее сформированные ценности бытия и навыки развивающего обмена-общения [5, 9, 19]. Резонно отметить, что поиск личностью своей *интеллектуальной экологической ниши* едва ли связан с планами достижения исключительно монетарно-рыночного успеха. Если допустить обратное, то нужно будет признать изначальную духовную скудость и онтологическую несостоятельность человеческой цивилизации как таковой.

Во-вторых, это экзогенный спрос на определенный перечень компетенций, спрос, качество которого обусловлено качеством сложившейся структуры экономики: институциональной, отраслевой, региональной, экспортно-импортной и т.д. Возвращаясь к компетенциям, субъекту познания, например, студенту вуза ничто не мешает осуществлять смыслопроизводство (поиск своей экологической ниши), пробуя себя в различных формах образовательной и иной деятельности. В то же время формировать в себе уникальные творчески-трудовые компетенции становится все трудней, если этому не способствует «система среды», предъявляющая спрос на «обычных» профессионалов, а не на «охотников» за идеями [20–22].

Очевидно, что качество структуры экономики может рассматриваться как некий *«структурный мультипликатор»* развития соответствующих компетенций и поиска субъектом своей экологической ниши. Следовательно, архаичная структура экономики выступает в качестве «структурного мультипликатора» архаичных компетенций; структура интеллектуальной экономики предстает как «структурный мультипликатор» прогрессивных, созидательных компетенций. Анализируя субъективные и объективные факторы, можно выделить следующие современные, наиболее общие варианты и формы взаимосвязи компетенций и структуры экономики.

Первый вариант может быть определен как *«угнетенные компетенции»*, и возникает он в том случае, если субъект твердо и последовательно формирует компетенции в рамках своей экологической ниши (интеллектуальной или утилитарной), но эти компетенции оказываются невостребованными на рынке человеческого капитала. Налицо противоречие между внутренними интенциями творческой самореализации личности и нерелевантной структурой экономики. Разрешается это противоречие путем поиска субъектом скрытых форм самозанятости, предложением своих услуг теневому сектору экономики либо работодателям других стран и т.д. *Но в любом случае субъект остается верен своим ценностно-смысловым установкам.*

Явление «угнетенных компетенций» имеет несколько модифицированных форм. Прежде всего – это система отношений «*прогрессивная структура экономики – архаичные компетенции*», где архаичные компетенции связаны с поиском утилитарной экологической ниши с господствующими одноименными смыслами. Здесь требования прогрессивной экономической структуры «угнетают» когнитивную архаику субъекта, хотя в перспективе возможна прогрессивная трансформация его ценностно-смысловой модели. В системе отношений «*архаичная структура экономики – прогрессивные компетенции*» субъект понимает свою прогрессивную экологическую нишу, связанную с актуализацией созидательных смыслов, и здесь лидерская позиция субъекта, его твердый характер успешно противостоят структурной архаике и даже могут оказать на нее позитивное воздействие. Исход противостояния между структурой экономики и смыслами познания зависит, с одной стороны, от способности субъекта к смыслопроизводству, а с другой – от способности внешних структурных факторов им противостоять.

Второй вариант резонно охарактеризовать как «*компетентностную мимикрию*», которая возникает в ситуации, когда субъект не обладает качеством смыслопроизводства и не имеет четкой мотивации к поиску своей экологической ниши. Здесь имеет место «подстройка» внутренних интенций под требования внешней среды. Например, если нефтяникам, управленцам или юристам много платят, то «умные люди» советуют идти в нефтяники, управленцы, юристы и

экономисты. В данном случае структура экономики воспринимается как данность, непреодолимая внешняя сила, к которой следует лишь удачно приспособиться.

Явление «компетентностной мимикрии» также имеет свои модифицированные формы. Прежде всего – в системе отношений «*прогрессивная структура – архаичные компетенции*» существует возможность трансформации утилитарных компетенций в созидательные компетенции именно под воздействием требований прогрессивной, например, интеллектуальной структуры экономики. Между тем в системе отношений «*архаичная структура экономики – прогрессивные компетенции*» может иметь место нежелательный финал, когда прогрессивные компетенции «растворяются» в структурной архаике, о чем свидетельствует новейшая отечественная экономическая история. Таким образом, в рамках варианта «компетентностной мимикрии» *субъект (сам либо вынужденно) не стремится сохранить свою экологическую нишу и приспосабливается к внешним структурным требованиям.*

Итогом функционирования первого и второго вариантов является либо модификация структуры экономики, либо изменение качества когнитивных компетенций. Результат в любом случае задается, с одной стороны, качеством «системы среды» (структурой экономики, регулируемой институциональным капиталом общества); с другой стороны – качеством «системы субъекта» (ценностно-смысловыми моделями развития личности и общества). Понятно, что идеальным вариантом выступает дихотомия «*прогрессивная структура – созидательные смыслы и компетенции*», соответствующая требованиям интеллектуальной экономики. Напротив, в негативном случае действует дихотомия «*архаичная структура экономики – архаичные смыслы и компетенции*», где критерием архаичности экономики является эксплуатация невоспроизводимых элементов природного капитала и опора на плутократические смыслы и компетенции, обслуживающие идеологию денежного фетишизма. К сожалению, именно к этой негативно-маргинальной дихотомии движется отечественная экономика, чему необходимо поставить методологический и научно-практический заслон.

Архаичная структура российской экономики как системный фактор когнитивной деструкции

Очевидно, что «бизнес со скоростью мысли» требует полноценного, именно интеллектуального мышления собственников творчески-трудовых компетенций. При этом, учитывая критическую значимость «компетенций о компетенциях», несколько устаревшим, мягко говоря, выглядит тезис о непрерывном образовании; более актуален тезис об *опережающем образовании*, нацеливающем человека на умение работать со своим *будущим*, на способность конструировать собственную траекторию интеллектуального производства. Следовательно, современная система образования должна способствовать не столько формированию отличных профессионалов, сколько создавать условия и быть системным фактором превращения обучающихся в креативных лидеров своей судьбы, собственников уникального интеллектуального капитала, превращающегося в ведущий фактор производства [7, 11, 13, 19]. При этом креативность здесь связана не с профессией, а образом жизни, то есть это креативность, которая «подобна радиоактивности» [23]. Однако в нашей стране авторы решений в экономике и в сфере образования упорно действуют вопреки логике требований когнитивного прогресса. Этот вывод вполне обосновывается, например, следующими положениями.

Во-первых, несмотря на массовый и справедливый протест общества и специалистов против единого государственного экзамена, который отнюдь не способствует полному проявлению индивидуальных свойств личности, ЕГЭ по-прежнему насильственно внедряется в отечественную образовательную систему. В соответствующей статье закона «Об образовании в Российской Федерации» четко зафиксировано, что прием и обучение в вузах «проводится на основании результатов единого государственного экзамена»[2]. При этом многие специалисты согласны с тем, что предлагаемый формат тестирования знаний противоречит ментально-смысловым и психологическим основаниям развития личности.

Во-вторых, серьезным препятствием на пути поиска интеллектуальной экологической ниши личности является «образовательная плутократия», основанная на власти денежных отношений. Причем «монетарный магнетизм» пустил настолько глубокие корни, что даже в рамках государственных учебных заведений постоянно расширяется так называемый коммерческий сектор. Это ли не абсурд для страны, где святость образования веками не была пустым звуком и где истинной ценностью являлось научное творчество и учебное

[2] Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (с изм. и доп.).

трудолюбие. При этом авторы и последователи реформы образования забыли, что всякий научно-образовательный продукт есть *общественное благо* с перечнем положительных экстерналий и не должен оплачиваться из бюджета домохозяйств. Общественное благо должно оплачиваться из государственного бюджета, что требует пересмотра действующей парадигмы использования рентных доходов страны.

В-третьих, существенной преградой для личности, стремящейся к наиболее полному удовлетворению своих интеллектуальных потребностей, является *архаичная структура* отечественной экономики. Архаизм современной структуры российской экономики не следует понимать поверхностно, поскольку проблема заключается не только в «нерушимости» структурных приоритетов в форме отраслей ТЭК, ОПК, АПК и некоторых других. Действительная проблема состоит в отсутствии национального оптимизма, действенных институтов развития, продолжающейся суррогатной системе финансирования ключевых отраслей экономики, что не позволяет трансформировать механизм поиска «плохой» ренты в механизме конкурентного рынка[3] [4, 24, 25].

Иррациональная структура отечественной экономики объективно не позволяет формировать в экономике устойчивый спрос на высокоэффективный интеллектуальный капитал. В этих условиях закономерно возникают и расширенно воспроизводятся как «угнетенные компетенции», так и «когнитивная мимикрия». Система образования, хронически оставаясь на «голодном бюджетном пайке», реагирует на структурную архаику в экономике деградацией своего креативного капитала. При этом российская молодежь все больше поддается «соблазнам» рентоориентированного мышления и одноименного поведения. В частности, планы современного творчески-трудового «развития» нашей молодежи в возрасте от 18 до 26 лет продемонстрированы в табл. 1.

Анализ данных табл. 1 свидетельствует о серьезных ценностно-смысловых проблемах нашей молодежи, которая связывает свое будущее с отраслями экономики, производящими «плохую» ренту, и лишь 1/10 ее часть готова осваивать производственные и наукоемкие секторы национального хозяйства. Очевидно, что качественное изменение сложившейся ситуации *«потребует в будущем колоссальных усилий, направленных на демонтаж социетальной архитектуры рентоориентированного общества»* [4, с. 75]. При этом важно отметить, что действующие основания рентоориентированного менталитета становятся самостоятельным мультипликатором деинтеллектуализации общества. В условиях такого «архаично-структурного детерминизма» приговором отечественной науке и образованию является падение спроса на когнитивные компетенции и интеллектуальный капитал.

Все это происходит в условиях усиливающегося отмеченного административного аутизма, связанного с несоответствием спроса на архаичные компетенции существующей риторике об образовательных инновациях. Ведь известно, что официальные документы определяют цель высшего образования не только как «обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров», но и как «удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии»[4]. Но следует признать, что традиции отечественной системы образования, особенно в рамках вузов, все с меньшим успехом противостоят монетарно-плутократическим «инновациям». В итоге мы имеем не только экономику, но и систему образования с господством эгоистического рационализма, катализируемого институтами рентоориентированного присвоения [9, 26]. Сегодня императивом является концепция структурного реформирования экономики, где четко формулируются ответы на вопросы: какова цель структурной реформы (система проекта) и на основе какого механизма аккумулирования экономических интересов (система процесса) такое реформирование в принципе является возможным?

На пути к дихотомии: «структура интеллектуальной экономики – созидательные когнитивные компетенции»

Как следует из множества проведенных исследований, в рамках «системы проекта» необходима структурная реформа, создающая интеллектуальную экономику, предъявляющую растущий спрос на прогрессивные когнитивные компетенции. Для этого *нужна не модификация действующей парадигмы и не перезагрузка ценностей, а их обновленная «качественная целостность» в пользу принципиально новой структуры интеллектуальной, или ноосферной экономики* [5, 9, 27]. Нужен тот самый переход от нормальной науки – к науке экстраординарной, к науке и образованию высокого духа, созидания и

[3] *Салихов Б.В., Нейматова Б.А.* Управление институциональными инновациями в сфере интеллектуального развития предприятия // Финансы и кредит. 2008. № 44. С. 19–26.

[4] Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (с изм. и доп.).

справедливости [28]. Для этого интеллектуальная элита общества призвана «дать старт» новому смыслопроизводству, где критически важным является понимание необходимости развития *интеллектуальной экономики, где ключевыми являются комплексы отраслей, воспроизводящих неявные знания.* Вектор преобразований в направлении создания структуры интеллектуальной экономики и станет тем самым прогрессивным «структурным мультипликатором», который даст институциональный простор для развития когнитивных компетенций, обеспечивающих данную экономику новейшими идеями и технологиями. Наиболее прогрессивные университеты и есть первые звенья интеллектуальной экономики, а увлеченные и мотивированные научно-педагогические работники и студенты – «микролокомотивы» воспроизводства созидательных когнитивных компетенций. С учетом требований системной парадигмы [29–31] примерная модель новой, интеллектуальной структуры экономики показана на рис. 1.

В интеллектуальной экономике основными комплексами отраслей должны стать: научно-образовательный комплекс (НОК), комплекс развития интеллектуального капитала (КРИК), интеллектуально-аграрный комплекс (ИАК). Все другие отрасли и комплексы экономики являются производными, обеспечивающими, включая даже ОПК. Социальным основанием интеллектуальной экономики призвана стать новая политико-экономическая структура общества: нынешняя управляющая, политико-силовая элита должна трансформироваться в интеллектуальную элиту; среди классов и социальных групп общества преобладающим должен стать креативный класс как естественный социальный «продукт» развития среднего и протосреднего класса. Это сложный вопрос, и здесь велика роль современных университетов, призванных воспроизводить новые, именно духовно-нравственные смыслы и механизмы мотивации.

В рамках структуры интеллектуальной экономики базисным «опорным» комплексом, обеспечивающим формирование новых ментально-смысловых механизмов деятельности, является качественно новый национальный институциональный капитал, призванный отражать не «изыски» монетарной политизации экономики, а требования объективных экономических законов развития общества. В политико-экономическом смысле важнейшим элементом нового институционального капитала является новая структура власти и собственности, учитывающая не только военно-политические, но духовно-нравственные, созидательные формы и механизмы хозяйственной деятельности. Функциональным итогом «качественной целостности» интеллектуальной экономики закономерно станет новая «качественная количественность», представленная системой показателей данной экономики, перечень которых представлен в табл. 2.

Особое место в системе приведенных показателей отводится таким, как валовой интеллектуальный продукт (ВИП), оценки достойной жизни домохозяйств, инвестиции в интеллектуальный капитал, динамика объемов интеллектуальной ренты, производительность и интенсивность творческой трудовой деятельности, количество предпринимательских университетов и самообучающихся организаций. Большое значение имеют количественные характеристики институционального капитала общества, воспроизводящего правила координации и регулирования всех форм созидательных взаимодействий и, главное, обеспечивающего высокую эффективность и справедливость системы собственности в экономике[5] [12].

Какие решения и действия необходимо предпринимать современным российским реформаторам, чтобы обеспечить успешное продвижение по пути формирования интеллектуальной экономики? В чем заключается основная причина столь явных дисфункций одновременно рынка, государства и даже общества в решении задач формирования прогрессивной структуры российской экономики? Почему не «приживаются» институты развития, не формируются коалиции для инноваций, не удается сформировать креативный класс и многое другое, что приблизило бы нас к требованиям интеллектуальной экономики? Ближайшее рассмотрение проблемы показывает, что осуществляемые структурные преобразования затрагивают лишь поверхностные (производные, функциональные) структурные элементы национального хозяйства. Существующие планы структурных реформ с самого начала носят мифический характер, ибо не затрагивают главного звена в системе институционального капитала общества, а именно *структуры собственности*, являющейся критическим основанием механизма хозяйственных мотиваций и, следовательно, интеллектуализации российской экономики.

[5] *Салихов Б.В., Самойлов В.О.* Частная собственность как социально-экономическая основа реализации предпринимательского потенциала // Финансы и кредит. 2006. № 15. С. 67–74.

Императивы реформы структуры собственности в российской экономике: *явление* преобразований вместо *видимости* изменений

Структура собственности представляет собой «тонкую ткань» структуры национальной экономики; справедливая, или духовно-нравственная, созидательная структура собственности является социально-экономическим основанием экономической справедливости, выступает катализатором и мультипликатором развития творчески-трудовой активности людей, играет роль «центра тяжести» при формировании коалиций для инноваций и роста производства на основе общенационального оптимизма и институционального доверия. Экономически эстетично о роли собственности в обществе и экономике сказал Г. Гегель: *«Разумность собственности заключается не в удовлетворении потребностей, а в том, что снимается голая субъективность личности. Лишь в собственности лицо выступает как разум»* [32, с. 101]. Но верно и обратное: вне собственности, или «не собственники», не могут действовать как разум, не обладая уверенностью в институциональной безопасности, то есть в защите своих прав собственности.

Структурный архаизм современной российской экономики и, следовательно, спрос на архаичные компетенции определяется не столько традиционностью ее «продуктовых» отраслей. Этот спрос онтологически проистекает из архаичной, упрямо насаждаемой в экономике однобокой и политизированной структуры собственности. Причем речь идет о «двойной» политизированности: *во-первых*, конституирован безусловный приоритет системы частной собственности, что едва ли правомерно, поскольку нарушается равенство всех форм собственности; *во-вторых*, за конституционные рамки вообще выведена общественная собственность, вместо которой декларируется государственная и муниципальная собственность[6], что закономерно привело к неформальной институционализации бюрократической частной власти-собственности.

Глубинным источником бюрократической частной власти-собственности является «растворение» реальной общественной собственности (субъект собственности – гражданское общество) в иррациональной государственной собственности (субъект собственности – чиновничье-бюрократический аппарат). При этом *«чувствуя свою силу и отсутствие достойных конкурентов, бюрократия делает все для того, чтобы на деле превратиться в класс собственников ...Собственно эта попытка и ввергла нашу страну в ...системный глубокий кризис»* [33, с. 131]. Между тем экономическая духовность и социальная справедливость связаны не с государственной собственностью как таковой, а с *государственной формой общенародной собственности.* В философском смысле речь идет о соотношении *содержания* (общественная собственность) и *формы* (делегированные обществом государству полномочия по распоряжению объектами общественной собственности, например, природными ресурсами). Следовательно, *«долг экономической науки разъяснять обществу, что полным, подлинным, абсолютным, суверенным собственником природных ресурсов является общество, от лица которого распоряжается ресурсами его совокупный наемный работник – государство. Любые частные лица и корпорации могут быть и являются не более чем их владельцами, то есть частными, неполными, условными, ограниченными собственниками»* [34, с. 99].

Современную отечественную государственную бюрократию вполне устраивает система частной власти-собственности, которая экономически реализуется в возможности осуществлять торговлю «запретами» и «разрешениями», что является основой патримониальных отношений, где *«государство предлагает бизнесу привилегии, которые он получает в обмен на свою лояльность власти»* [25, с. 124]. Именно система бюрократической частной власти-собственности является социально-экономическим базисом ментально-ценностного «сдвига» общества в сторону монетарной плутократии, выражающейся в расширенном воспроизводстве деловой и бытовой коррупции, активизации рентоориентированного поведения, коммерциализации всех форм общественной жизни, углубляющейся социальной несправедливости и невозможности для большинства домохозяйств обеспечить себе достойную жизнь. Субъективная незаинтересованность системы бюрократической частной власти-собственности обеспечить экономический рост даже на основе традиционных форм хозяйствования создает и воспроизводит масштабную *деструкцию мотивов,* что и приводит к результатам, показанным в табл. 3.

Обозначенные в табл. 3 курсивом данные 2012 г. показывают отсутствие критической зависимости начавшегося механизма торможения отечественной экономики от внешних санкций и падения цен на энергоносители. К данным

[6] Конституция (Основной Закон) Российской Федерации: принята 12.12.1993. Вступила в силу со дня официального опубликования 25.12.1993.

таблицы следует добавить, что за последние 10 лет индекс концентрации производства вырос в 1,5 раза [26], что никак не соответствует целям и задачам развития в нашей стране малого и среднего бизнеса. Модель экономики, основанная на бюрократической власти-собственности, то есть на поиске «плохой» ренты (природной, монопольной, корпоративной и административной в форме коррупции) привела не только к макроэкономическому механизму торможения, но и к деградации – прежде всего производственного аппарата промышленности и, следовательно, национального человеческого и формирующегося интеллектуального капитала. На фоне усиления госкорпораций не получает должного импульса развитие малого и среднего бизнеса, деградирует станкостроение, крайне медленно возрождается отечественный авиапром, не приобретает требуемого масштаба развитие отрасли информационных и когнитивных технологий. В результате не развивается требуемый мотивационный капитал нации, не формируются коалиции для инноваций и не создается креативный класс.

Для того чтобы обеспечить гегелевское «снятие голой субъективности личности», требуется *реформа структуры собственности, что и будет онтологией новой структуры экономики и общества.* Давно известно, и по этому поводу есть немало исследований, что формы собственности являются закономерным результатом конкретного «способа работы над продуктом» [27, 34]. В частности, если общество осваивает территорию своей страны, защищает ее от внешних угроз и решает множество других общих задач, то все, над чем «работает» непосредственно общество и в чем оно экзистенциально заинтересовано, представляет собой структуру *общественной собственности*, где государство выступает лишь как «назначенец» и «проводник» общественных интересов. Следовательно, земля и ее недра, фундаментальная наука, в значительной степени услуги образования и здравоохранения, услуги национальной обороны и управления (институциональный капитал) есть не что иное, как объекты именно общественной, а не государственной собственности.

Если в обществе конституирована общественная собственность, то все доходы и выгоды, проистекающие от использования ее объектов (конечно же, посредством механизмов функционирования уполномоченного обществом и подконтрольного ему правового государства) принадлежат именно обществу, а не чиновничьей бюрократии. Это означает как минимум следующее: исчезает онтологический базис деловой и бытовой коррупции, где «крутятся» деньги, происходящие от рентных доходов; постепенно уходит в прошлое такое позорное явление, как платное (для домохозяйств) образование и здравоохранение, поскольку оплачивать эти услуги будет само общество за счет, например, доходов от природной ренты; частная собственность на землю заменяется арендой, что ликвидирует такой социально-экономический диссонанс, как, по сути, покупка гражданами (членами общества) земли (объекта общественной собственности) у самих себя (общества). Очевидно, что эти и многие другие социально-экономические эффекты, проистекающие от системы общественной собственности, позволят обеспечить *трансформацию природной, монопольной, административной ренты – в ренту интеллектуальную*, являющуюся источником и одновременно результатом новой системы мотивов, экономических интересов и когнитивных компетенций.

Если личность или корпоративное сообщество производит полезный продукт для обмена, то данный продукт, включая и предлагаемый соответствующему рынку человеческий и/или интеллектуальный капитал, является объектом *частной собственности.* Причем качество данной формы собственности определяется качеством общественной собственности, выступающей здесь в виде национального институционального капитала, создающего такие институты, которые обеспечивают высокую эффективность и защищенность системы частной собственности. Если же личность или домохозяйство что-либо производит или приобретает в процессе обмена для личного потребления, то налицо система *личной собственности*, также защищенная правовыми институтами демократического государства, подотчетного гражданскому обществу.

Таким образом, в условиях реального народовластия *общественным благам соответствует система общественной собственности* (с государственной формой экономической реализации); *частным благам соответствует система частной собственности* (экономически реализуется в рамках множества конкретных видов частной собственности, а также справедливых и понятных институтов – «правил игры»); *личным благам соответствует система личной собственности* (экономически реализуется посредством разумного потребления различных благ в целях воспроизводства релевантного требованиям интеллектуального капитала личности и домохозяйства).

Существующая сегодня система бюрократической частной власти-собственности на институциональный капитал есть не что иное, как неявная форма узурпации экономической власти личности и общества. Именно эта суррогатная, иррациональная собственность является главным препятствием на пути реальных структурных реформ в отечественном хозяйстве. В связи с этим предпринимаемые сегодняшними субъектами государственного управления усилия в направлении структурных и иных преобразований *заведомо несостоятельны в научном и, следовательно, в практическом смысле.* Без радикального изменения структуры собственности посредством конституирования и правового (в духовно-нравственном и юридическом смысле) ренессанса *общественной и личной собственности* невозможно устранить систему частной бюрократической власти-собственности. Это означает, что механизм торможения в ближайшие годы превратится в механизм перманентного отставания, сопровождаемый деинтеллектуализацией национального человеческого капитала и, следовательно, разрушением основ социально-экономической и интеллектуальной безопасности страны.

Субъектом создания справедливой структуры собственности в отечественной экономике вполне может стать просвещенная бюрократия, как это уже было в российской истории. Прежде всего речь идет о Великой реформе 1861 г. императора Александра II и последующих реформ 1860-х гг., включая преобразования С.Ю. Витте и П.А. Столыпина начала XX столетия [35]. В сегодняшней ситуации российская бюрократия пока еще имеет шанс «дозреть» до понимания необходимости радикальных реформ именно в контексте императива смены режимов собственности и создания на деле *высокоэффективных (свободных, защищенных, суверенных) собственников.* В обратной ситуации у общества не останется другого выбора, как осуществить эволюционную замену «власти и правительства денег» на «власть и правительство хлеба». К сожалению, нынешнее руководство страны пока «не замечает» потребности в качественном изменении системы собственности, говоря лишь о макроэкономической стабильности, привлечении в экономику частных инвесторов, импортозамещении и о внедрении всего лишь неких абстрактных «передовых институциональных стандартов и практик» [36].

Подчеркнем, что главное в реформировании институционального отечественного капитала и, следовательно, в структурном реформировании экономики заключается в конституировании (закреплении в Конституции РФ) базовых форм собственности: *общественной, личной и частной форм* со всеми вытекающими отсюда последствиями, связанными с институционализацией соответствующих отношений в сфере воспроизводства всего набора *общественных, личных и частных благ.* Одновременно с этим необходима новая расстановка отраслевых приоритетов по «когнитивному признаку»: основными должны стать отрасли экономики, воспроизводящие систему неявного и явного формализованного знания, и только потом речь может идти о развитии традиционных отраслей обычного продуктового (объективированного в товары и услуги) знания [37].

Заключение

На основе проведенного анализа сформулируем ряд выводов, имеющих научно-практическое и функциональное значение.

***Во-первых*,** ключевой компетенцией, которая отражается в зеркале структуры интеллектуальной экономики и, по сути, грядущей интеллектуальной цивилизации, является «компетенция о компетенциях», то есть способность самостоятельно воспроизводить новые компетенции, обеспечивающие интеллектуальный, духовно-нравственный вектор развития. В связи с этим важнейшей задачей современной науки является разработка «системы проекта», характеризующей целостность интеллектуальной, или ноосферной экономики. Данная экономика основана на высокоразвитом интеллектуальном капитале, способном обеспечить человеческое развитие на основе использования воспроизводимых факторов производства.

***Во-вторых*,** для перехода к новой экономической структуре требуется релевантная «система среды», характеризуемая качественно новым институциональным капиталом, где наиболее полно учитывается культурная онтология отечественной экономики. Этот учет обеспечит необходимую трансформацию и высокую эффективность системы собственности, без чего невозможно расширенно воспроизвести мотивационный капитал нации, преодолеть общенациональный пессимизм и обеспечить расширенное воспроизводство созидательных творчески-трудовых интенций в масштабе страны.

***В-третьих*,** критически важной «системой объекта» в решении задач создания новой структуры национального хозяйства является *народнохозяйственный комплекс воспроизводства системы неявного знания,* как основы

расширенного воспроизводства высококачественного интеллектуального капитала общества. Эти отрасли более не могут «стыдливо» называться «сферой услуг»; эти отрасли – критически важные, базисные для современного российского общества.

***В-четвертых*,** важнейшим основанием «системы процесса», призванной обеспечить воспроизводство интеллектуального капитала релевантного качества, является целенаправленная работа по качественному обновлению (актуализации, диверсификации, когнитивизации) системы образования и самообразования. Сегодня востребованы лидерские, пассионарные формы учебных занятий, новейшие психолого-педагогические технологии, так называемый «брейнсторминговый стиль» образовательной деятельности, основанный на динамичных базах знаний и наиболее полном использовании новейших когнитивных и информационных технологий.

***В-пятых*,** требуется качественное обновление «системы субъекта», призванного реально осуществить востребованные структурные преобразования, обеспечив создание новых ментальных моделей и смыслов, ценностей и мотивов деятельности. В истории нашей страны судьбоносные реформы основывались чаще всего на *«просвещенной бюрократии, принимающей модернизацию как свою историческую миссию и долг перед обществом»* [35, с. 136]. Однако и реформы, и революции имели своим идеологическим основанием западные теории и социально-философские модели, определявшие, в конечном счете, и экономические конструкты общественного устройства. Например, идеи немецкого философа Г. Лейбница оказали влияние на Петра Великого; смысловые конструкты французского мыслителя Ф. Вольтера существенно влияли на императрицу Екатерину II, а идеи немецкого философа Г. Гегеля – на инициаторов реформ Александра II; философия и политическая экономия К. Маркса были «азбукой» для ленинско-сталинской модернизации; наконец, либерально-монетарные экономические концепции М. Фридмена, Ф. Хайека и многих других западных ученых явились и по-прежнему являются методологическим и научно-практическим основанием современных экономических решений нашего правительства [35].

Возникает резонный вопрос: не пора ли научиться жить своим умом? Конечно, для этого нужны новые люди и новая государственная бюрократия, способная стать *интеллектуальной элитой*, готовой к лидерским, радикальным, но взвешенным хозяйственным решениям. Эти решения призваны оградить экономическую власть «монетарной плутократии» и обеспечить развитие духовно-нравственных оснований хозяйственной деятельности. Если с просвещением действующей бюрократии дело пойдет плохо, то нужно будет подумать о том, как, по образному выражению Н.А. Бердяева, «правительство денег» заменить «правительством хлеба», ибо *«в символе хлеба дух соединяется с плотью мира; мир, отрезанный от духа, стоит под символом денег»* [38, с. 360–361].

Создавать в нашей стране интеллектуальную экономику, основанную на индивидуальном и корпоративном самообразовании [14], означает следовать требованиям принципов «символа хлеба». Этим же символом должны быть освещены и когнитивные компетенции нашей молодежи, особенно студентов высших учебных заведений.

Таблица 1

«Работодатель мечты» для российской молодежи, или в какой сектор экономики стремится попасть выпускник вуза

Table 1

Dream employer for the Russian youth, or Which economic sector should a graduate head for?

Наименование организации	Доля респондентов, %
ПАО «Газпром»	22
Администрация Президента	12
МВД России	11
НК «Роснефть»	10
ПАО «Сбербанк»	10
ПАО «ЛУКОЙЛ»	9
ОАО «РЖД»	7
ОАО «Газпромбанк»	7
Итого…	88

Источник: [20, с. 45]

Source: [20, p. 45]

Таблица 2

Ключевые параметры и показатели интеллектуальной экономики

Table 2

Key parameters and indicators of knowledge economy

Параметры и показатели	Экономика денежного фетишизма (сегодня)	Интеллектуальная экономика (перспектива)
Интегральный выпуск	ВВП (валовой внутренний продукт)	ВИП (валовой интеллектуальный продукт)
Основные отрасли экономики	ОПК, ТЭК, АПК (отрасли роста выпуска товаров и услуг)	Научно-образовательный комплекс (отрасли развития человека)
Ведущий фактор производства	Вещественный («основной») капитал	Человеческий и природный капитал
Основной объект инвестирования	Вещественный («основной») капитал	Человеческий и природный капитал
Интегральные показатели жизни людей	Уровень и качество жизни	Достойная жизнь с творческой реализацией
Основное звено экономики	«Продуктовое» предприятие	Университеты и самообучающиеся фирмы
Основной вид дохода	«Плохая» рента и заработная плата	Интеллектуальная рента и заработная плата
Качество институционального капитала	«Патрон-клиентские» отношения и «размытость» системы собственности	Четкость «правил игры» и справедливая система собственности
Преимущественная форма обмена	Рыночный, эквивалентный	Дарообмен идеями, неэквивалентный
Социальная основа	Слабый средний класс и протосредние слои общества	Класс интеллектуалов как высокоразвитая форма среднего класса
Показатели эффективности	Рост производительности труда при минимизации издержек	Максимизация результата интеллектуальной деятельности при оптимизации издержек

Источник: составлено авторами

Source: Authoring

Таблица 3

Основные экономические показатели Российской Федерации в 2007–2015 гг. (темпы роста физического объема по отношению к предыдущему году), %

Table 3

Key economic indicators of the Russian Federation within 2007–2015: growth rates of physical volume against those of the previous year, %

Показатель	2007	2008	2010	2012	2013	2014	2015
ВВП	8,5	5,2	4,5	3,5	1,3	0,7	–3,7
Промышленность	6,8	0,6	7,3	3,4	0,4	1,7	–3,4
Сельское хозяйство	3,3	10,8	–11,3	–4,8	5,8	3,5	3
Строительство	18,2	12,8	5	2,5	0,1	–2,3	–7
Инвестиции в основной (вещественный) капитал	23,8	9,5	6,3	6,8	0,8	–2,7	–8,4
Процентная ставка по кредитам для предприятий, % годовых	10	12,2	10,8	9,1	9,5	11,1	15,9
Доля оплаты труда в ВВП	46,7	47,4	49,6	50,3	51,7	52	52,4
Инфляция (по ИПЦ)	11,9	13,3	8,8	6,6	6,5	11,4	12,9
Динамика реальной зарплаты	17,2	11,5	5,2	8,4	4,8	1,2	–9,5
Конечное потребление домашних хозяйств	14,3	10,6	5,5	7,4	3,7	1,7	–9
Численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, млн чел.	18,8	19	17,7	15,4	15,5	16,1	20,3

Источник: [20, С. 15–16]

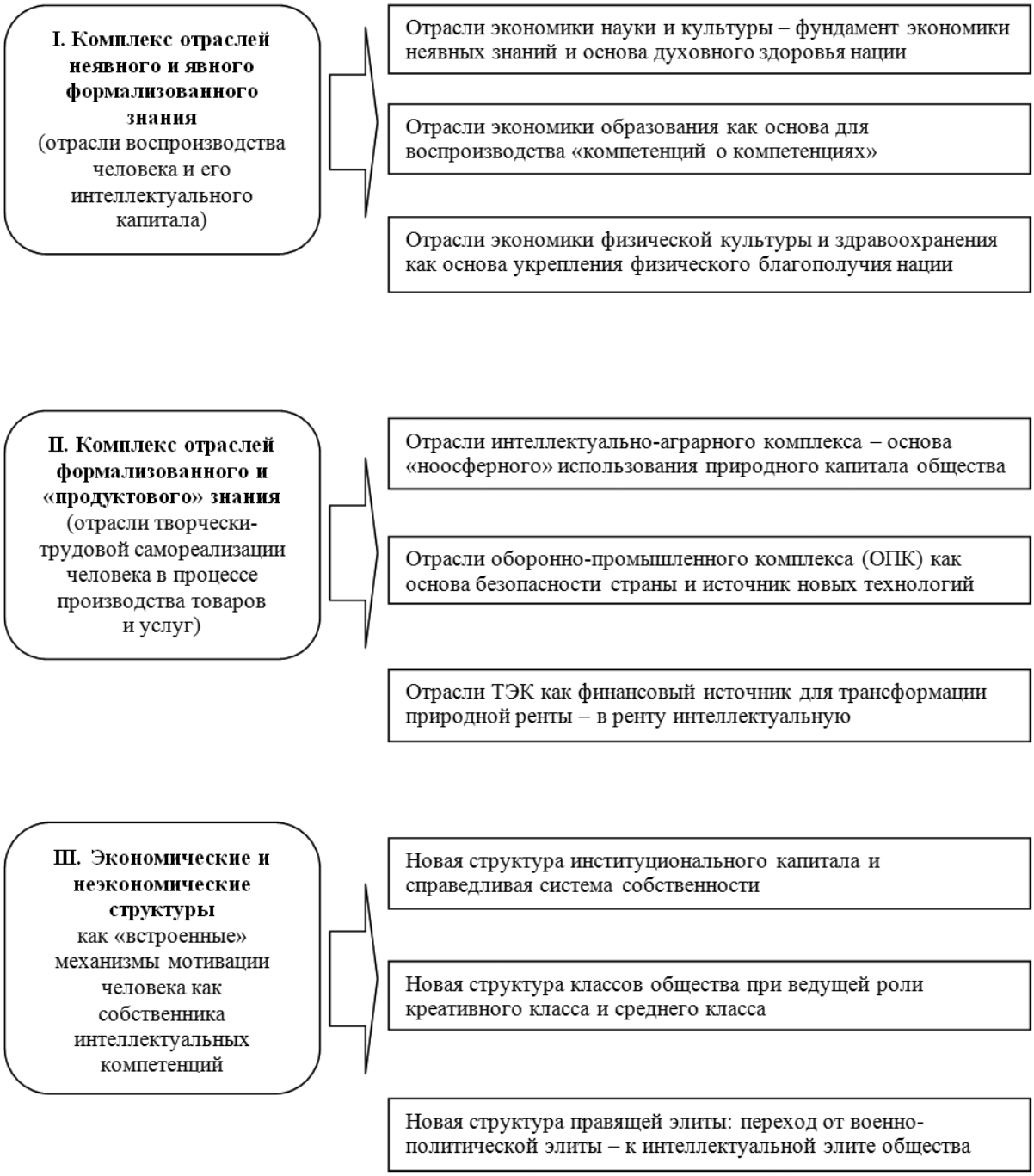
Source: [20, pp. 15–16]

Рисунок 1

Примерная модель структуры интеллектуальной экономики

Figure 1

An approximate model of the knowledge economy structure



Источник: составлено авторами

Source: Authoring

Список литературы

1. *Мау В.А.* В ожидании новой модели роста: социально-экономическое развитие России в 2013 году // Вопросы экономики. 2014. № 2. С. 14–33.

2. *Розинская Н., Розинский И.* Национальный проект «Доверие» // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 138–147.

3. *Сасаки М., Латов Ю., Ромашкина Г., Давыденко В.* Доверие в современной России (компаративистский подход к «социальным добродетелям») // Вопросы экономики. 2010. № 2. С. 83–103.

4. *Левин М., Сатаров Г.* Рентоориентированная Россия // Вопросы экономики. 2014. № 1. С. 61–78.

5. *Новичков В.И., Новичкова В.И., Салихов Б.В., Салихова И.С.* Духовно-нравственная онтология социально-экономического развития: монография. М.: КноРус, 2011. 328 с.

6. *Левин М., Сатаров Г.* Коррупция в России: классификация и динамика // Вопросы экономики. 2012. № 10. С. 4–30.

7. *Делия В.П.* Инновационное мышление в XXI веке. Балашиха: Изд-во Де-По, 2011. 232 с.

8. *Кругман П.* Кредо либерала. М.: Европа, 2009. 368 с.

9. *Салихов Б.В.* Духовно-нравственные основы развития современной российской экономики: монография. М.: Изд-во МГОУ, 2009. 160 с.

10. *Семёнов А.В., Салихов Б.В., Салихова И.С.* Инновационные аспекты управления корпоративными знаниями: монография. М.: Дашков и К, 2013. 148 с.

11. *Казьмин А.К.* Теория интеллекта: как выбрать президента. М.: СиДиПресс, 2001. 237 с.

12. *Полани М.* Личностное знание: На пути к посткритической философии. М.: Книга по требованию, 2013. 342 с.

13. *Салихов Б.В.* Интеллектуальный капитал организации: сущность, структура и основы управления. М.: Дашков и К, 2009. 156 с.

14. *Салихова И.С.* Управление качеством интеллектуального капитала самообучающейся организации в экономике знаний: монография. М.: Дашков и К, 2015. 147 с.

15. *Салихов Б.В., Летунов Д.А.* Интеллектуальная экономика как нравственно-этическая форма инновационного развития // Проблемы современной экономики. 2008. № 3. С. 108–111.

16. *Салихов Б.В., Салихова И.С.* Система государственной власти-собственности и качество человеческого капитала // Экономика и предпринимательство. 2014. № 2. С. 45–53.

17. *Асмолов А.Г.* Оптика просвещения: социокультурные перспективы. М.: Просвещение, 2012. 447 с.

18. *Гейтс Б.* Бизнес со скоростью мысли. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 241 с.

19. *Цаплин В.С.* Разумное, но не мыслящее. М.: Крафт Плюс, 2009. 352 с.

20. *Натхов Т., Полищук Л.* Инженеры или юристы? Институты и спрос на высшее образование // Вопросы экономики. 2012. № 10. С. 30–52.

21. *Салихов Б.В., Нейматова Б.А.* Фабрика звезд для предпринимателей: интеллектуальное предпринимательство в сфере производства корпоративных знаний // Креативная экономика. 2009. № 1. С. 55–65.

22. *Саттон Р.* Охота за идеями: как оторваться от конкурентов, нарушая все правила. М.: Альпина Паблишер, 2013. 335 с.

23. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб: Питер, 2010. 352 с.

24. *Зубов В., Иноземцев В.* Суррогатная инвестиционная система // Вопросы экономики. 2015. № 3. С. 76–87.

25. *Кузина О., Чернышева М.* Корпоративная благотворительность и корпоративная филантропия: экономико-социологический анализ // Вопросы экономики. 2016. № 3. С. 115–131.

26. *Нефёдкин В.* Экономическая власть крупных корпораций и развитие регионов // Вопросы экономики. 2016. № 3. С. 99–115.

27. Собственность в системе социально-экономических отношений: теоретико-методологические и институциональные аспекты: колл. монография. М.: Изд-во Российского государственного социального ун-та, 2005. 408 с.

28. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, АСТ МОСКВА, 2009. 317 с.

29. *Клейнер Г.* Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории. Ч. I. // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 107–124.

30. *Клейнер Г.* Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории. Ч. II. // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 117–139.

31. *Корнаи Я.* Системная парадигма // Вопросы экономики. 2002. № 4. С. 4–23.

32. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.

33. *Лоскутов В.И.* Экономические отношения собственности и политическое будущее России. Мурманск: Изд-во МГТУ, 2001. 164 с.

34. *Лоскутов В.И.* XXI век: от посткапиталистического к социалистическому мировому сообществу. Мурманск: Изд-во МГТУ, 2005. 188 с.

35. *Медушевский А.* Российские реформы с позиций теории когнитивной истории // Вопросы экономики. 2016. № 3. С. 131–160.

36. *Медведев Д.* Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. 2015. № 10. С. 5–30.

37. *Мау В.* Антикризисные меры или структурные реформы: экономическая политика России в 2015 году // Вопросы экономики. 2016. № 2. С. 15–16.

38. *Бердяев Н.А.* Дух и реальность. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. 679 с.

ISSN 2311-875X (Online)
ISSN 2073-2872 (Print)

Economic Policy of the State

THE QUALITY OF KNOWLEDGE AND COMPETENCIES THROUGH THE LOOKING GLASS OF STRUCTURAL REFORMS OF THE RUSSIAN ECONOMY

Boris V. SALIKHOV[a,•], Irina S. SALIKHOVA[b]

[a] Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation
mgsusalikhov@yandex.ru

[b] Moscow Witte University, Moscow, Russian Federation
irinasalikhova@yandex.ru

[•] Corresponding author

Article history:
Received 17 May 2016
Received in revised form
21 June 2016
Accepted 30 July 2016

JEL classification: J24, O15, O33

Keywords: inhibition mechanism, cognitive competence, archaic structure, knowledge economy, economic structure, economic indicator

Abstract

Importance The article examines how competencies and structure of the contemporary Russian economy correlates, being a systemic and exogenous driver of demand for human capital of certain quality.

Objectives The research generates the framework for the scientific and practical paradigm to form a new structure of the Russian economy. The paradigm would put the educational system to the course of extensive reproduction and, first of all, creative cognitive competencies. In this respect, the research describes how the archaic structure of economy influences the quality of young human capital, devises a general model of knowledge economy as a system factor for extensive reproduction of creative competencies, substantiates the crucial renewal of the ownership structure as the ontology of the progressive structural reform of the Russian economy.

Methods The methodological framework of the research comprises key principles of the system paradigm and behavioral economics that justify a cross-disciplinary approach to analyzing the cognitive environment and structural factors of its change.

Results We substantiated the critical role of competencies that independently reproduced new knowledge, and competencies as part of *quick-think* business. We propose an interpretation and structure of knowledge economy as the project system that is designated to ensure new contributing quality of demand for creative and operational competencies of the personality.

Conclusions and Relevance As we prove, the crucial renewal of the ownership structure and construction of its objective forms represents the ontology of high efficiency of the structural reform of the Russian economy and, subsequently, the development of creative and cognitive competencies. The article and its clauses can be used to advance scientific and practical framework for developing the knowledge economy in the country and, hence, a system of cognitive competencies.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2016

References

1. Mau V.A. [Waiting for a new model of growth: Russia's social and economic development in 2013]. *Voprosy Ekonomiki*, 2014, no. 2, pp. 14–33. (In Russ.)

2. Rozinskaya N., Rozinskii I. [Trust: a national project]. *Voprosy Ekonomiki*, 2015, no. 12, pp. 138–147. (In Russ.)

3. Sasaki M., Latov Yu., Romashkina G., Davydenko V. [Trust in modern Russia: a comparative approach to 'social virtues']. *Voprosy Ekonomiki*, 2010, no. 2, pp. 83–103. (In Russ.)

4. Levin M., Satarov G. [Rent-seeking Russia]. *Voprosy Ekonomiki*, 2014, no. 1, pp. 61–78. (In Russ.)

5. Novichkov V.I., Novichkova V.I., Salikhov B.V., Salikhova I.S. *Dukhovno-nravstvennaya ontologiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya: monografiya* [Mental and moral ontology of socio-economic development: a monograph]. Moscow, KnoRus Publ., 2011, 328 p.

6. Levin M., Satarov G. [Corruption in Russia: classification and dynamics]. *Voprosy Ekonomiki*, 2012, no. 10, pp. 4–30. (In Russ.)

7. Deliya V.P. *Innovatsionnoe myshlenie v XXI veke* [Innovative thinking in the twenty-first century]. Balashikha, De-Po Publ., 2011, 232 p.

8. Krugman P. *Kredo liberala* [The Conscience of a Liberal]. Moscow, Evropa Publ., 2009, 368 p.

9. Salikhov B.V. *Dukhovno-nravstvennye osnovy razvitiya sovremennoi rossiiskoi ekonomiki: monografiya* [Mental and moral fundamentals for developing the contemporary economy of Russia: a monograph]. Moscow, MRSU Publ., 2009, 160 p.

10. Semenov A.V., Salikhov B.V., Salikhova I.S. *Innovatsionnye aspekty upravleniya korporativnymi znaniyami: monografiya* [Innovative aspects of corporate knowledge management: a monograph]. Moscow, Dashkov i K Publ., 2013, 148 p.

11. Kaz'min A.K. *Teoriya intellekta: kak vybrat' prezidenta* [Theory of intelligence: how to elect the President]. Moscow, SiDiPress Publ., 2001, 240 p.

12. Polanyi M. *Lichnostnoe znanie: Na puti k postkriticheskoi filosofii* [Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy]. Moscow, Kniga po trebovaniyu Publ., 2013, 342 p.

13. Salikhov B.V. *Intellektual'nyi kapital organizatsii: sushchnost', struktura i osnovy upravleniya* [Intellectual capital of the organization. The substance, structure and management basics]. Moscow, Dashkov i K Publ., 2009, 156 p.

14. Salikhova I.S. *Upravlenie kachestvom intellektual'nogo kapitala samoobuchayushcheisya organizatsii v ekonomike znanii: monografiya* [Quality management of intellectual capital in the self-learning organization as part of the knowledge economy: a monograph]. Moscow, Dashkov i K Publ., 2015, 147 p.

15. Salikhov B.V., Letunov D.A. [Knowledge economy as a moral and ethical form of innovative development]. *Problemy sovremennoi ekonomiki = Problems of Modern Economics*, 2008, no. 3, pp. 108–111. (In Russ.)

16. Salikhov B.V., Salikhova I.S. [The system of governmental ownership authority and the quality of human capital]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and Entrepreneurship*, 2014, no. 2, pp. 45–53. (In Russ.)

17. Asmolov A.G. *Optika prosveshcheniya: sotsiokul'turnye perspektivy* [Enlightenment optics: social and cultural perspectives]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2012, 447 p.

18. Gates B. *Biznes so skorost'yu mysli* [Business @ the Speed of Thought]. Moscow, Eksmo-Press Publ., 2001, 241 p.

19. Tsaplin V.S. *Razumnoe, no ne myslyashchee* [Reasonable but not reasoning]. Moscow, Kraft Plyus Publ., 2009, 352 p.

20. Natkhov T., Polishchuk L. [Engineers or lawyers? Institutions and demand for higher education]. *Voprosy Ekonomiki*, 2012, no. 10, pp. 30–52. (In Russ.)

21. Salikhov B.V., Neimatova B.A. [Intellectual entrepreneurship in the production of corporate knowledge]. *Kreativnaya ekonomika = Journal of Creative Economy*, 2009, no. 1, pp. 55–65. (In Russ.)

22. Sutton R. *Okhota za ideyami: kak otorvat'sya ot konkurentov, narushaya vse pravila* [Weird Ideas That Work: How to Build a Creative Company]. Moscow, Al'pina Pablisher Publ., 2013, 335 p.

23. Maslow A. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and Personality]. St. Petersburg, Piter Publ., 2010, 352 p.

24. Zubov V., Inozemtsev V. [Surrogate investment system]. *Voprosy Ekonomiki*, 2015, no. 3, pp. 76–87. (In Russ.)

25. Kuzina O., Chernysheva M. [Corporate charity and corporate philanthropy: an economic and sociological analysis]. *Voprosy Ekonomiki*, 2016, no. 3, pp. 115–131. (In Russ.)

26. Nefedkin V. [Economic power of large corporations and regional development]. *Voprosy Ekonomiki*, 2016, no. 3, pp. 99–115. (In Russ.)

27. *Sobstvennost' v sisteme sotsial'no-ekonomicheskikh otnoshenii: teoretiko-metodologicheskie i institutsional'nye aspekty: kollektivnaya monografiya* [Ownership as part of social and economic

relationships: theoretical, methodological and institutional perspectives: a collective monograph]. Moscow, Russian State Social University Publ., 2005, 408 p.

28. Kuhn T. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, AST, AST MOSKVA Publ., 2009, 317 p.

29. Kleiner G. [Sustainability of the Russian economy in the mirror of the system economic theory. Part 1]. *Voprosy Ekonomiki*, 2015, no. 12, pp. 107–124. (In Russ.)

30. Kleiner G. [Sustainability of the Russian economy in the mirror of the system economic theory. Part 2]. *Voprosy Ekonomiki*, 2016, no. 1, pp. 117–139. (In Russ.)

31. Kornai J. [The system paradigm]. *Voprosy Ekonomiki*, 2002, no. 4, pp. 4–23. (In Russ.)

32. Hegel G.W.F. *Filosofiya prava* [Grundlinien der Philosophie des Rechts]. Moscow, Mysl' Publ., 1990, 524 p.

33. Loskutov V.I. *Ekonomicheskie otnosheniya sobstvennosti i politicheskoe budushchee Rossii* [Economic property relations and the political future of Russia]. Murmansk, Murmansk State Technical University Publ., 2001, 164 p.

34. Loskutov V.I. *XXI vek: ot postkapitalisticheskogo k sotsialisticheskomu mirovomu soobshchestvu* [The 21st century: from the post-capitalist towards socialist global community]. Murmansk, Murmansk State Technical University Publ., 2005, 188 p.

35. Medushevskii A. [Russian reforms in the context of cognitive history theory]. *Voprosy Ekonomiki*, 2016, no. 3, pp. 131–160. (In Russ.)

36. Medvedev D. [A new reality: Russia and global challenges]. *Voprosy Ekonomiki*, 2015, no. 10, pp. 5–30. (In Russ.)

37. Mau V. [Anti-crisis measures or structural reforms: Russia's economic policy in 2015]. *Voprosy Ekonomiki*, 2016, no. 2, pp. 15–16. (In Russ.)

38. Berdyaev N.A. *Dukh i real'nost'* [Spirit and reality]. Moscow, AST, Kharkov, Folio Publ., 2003, 679 p.